СТРАННИК

ПОЭМА О РУССКОЙ ЛЮБВИ

1977

ПАРИЖ

СТРАННИК

ПОЭМА О РУССКОЙ ЛЮБВИ

1977

ПАРИЖ

ОСЕНЬЮ 1967 года, когда в Москве шумно праздновалось 50-летие октябрьской революции, в Швейцарии, в уединении была написана поэма «Упразднение Месяца». Это был тихий русский ответ на юбилейный шум, несшийся с Красной площади. Поэма была опубликована в «Новом Журнале», «Новом Русском Слове» и вышла отдельным изданием в Нью-Йорке, в 1968 году. Через 10 лет к 60-летию событий, автор окончил свою поэму, назвав ее «Поэмой о Русской Любви».

Тонкий юмор, беззлобная ирония, эпическое беспристрастие, явление истории и нравственное преодоление ее теней — в человеческом сознании, такова эта полифоническая поэма, русский ответ на шум, продолжающийся в Москве.

Поэтам дано «истину царям с улыбкой говорить». Ни горечи, ни злопамятства нет в этом эпосе Странника, говорящего о путях своей страны. Лишь — стояние перед Правдой высшей и любовь к людям (не к их греху).

Главный Герой поэмы — Небо, пред которым уже полегло в истории столько временных победителей мира.

Будут побеждены и другие победители человеческих баталий.

Внимание наше поднимается выше, к самой сущности борьбы человеческого духа. Из плана политико-социального мы выходим в план главный, нравственный, в измерение жизни м е т а и с т о р и ч е с к о е. В нем решаются судьбы народов.

Лишенная какого-либо сведения счетов с прошлым, не творящая мифов будущего, поэма Странника о русской любви нам открывает, с этой любовью соединенную, исходящую из нее надежду.

Предисловие Редакции «Русская Мысль», где Поэма была опубликована 6 янв. 1977 г.

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Давайте легкой строчкой в облака
Смотреть через узор весенних веток.
О синеве поговорим слегка,
Без всяких педантических заметок,
Чтоб чувствовалась вечности рука.
Такой рассказ теперь уже не редок, —
Всё больше мы глядим не на вину,
А в радостную неба глубину.

И зря поэт дидактикой старинной
Хотел бы снова душу привести
На устаревшие уже пути
К тамбовской тетушке на именины,
Где всякий речь обязан повести
В известных строгих правилах гостиной,
А что не так, то это «нигилизм»...
Таков сейчас московский *реализм*.

Давно идут о реализме споры.
Белинский на земле его искал,
Наш век от реализма пострадал.
Партийности высокой идеал
Под реализмом понимает шпоры,
Иль, букву «пе» проглатывая, шоры.
Неясно и достаточно капризно
Бывает пониманье реализма.

Втупик поставлен древний конь Пегас, —
Как стать ему конем широких масс
И возлетать навстречу вдохновеньям?
Бывает, конь и сбрасывает нас,
На радость молодому поколенью.
Социализм в душе — еще не пенье.
К поэзии душа открыта будь
И справимся с проблемой, как-нибудь.

Задаче покоряясь немудреной,
Поэтов стричь под номер нулевой,
Цензуру ввел партийный рулевой,
Таков порядок ныне утвержденный.
Идет, во всем довольная собой,
Цензура пресная на мир соленый.
Партийным стал и пушкинский зоил,
По сложной диалектике чернил.

Поэтов наших надо умудрять,
Чтоб не являлся в людях дух крамольный,
Чтоб мавзолея принцип богомольный
На площадях московских мог витать.
К тому же, коммунизм есть дух застольный,
Жизнь здравицами надо заполнять,
А тут еще какие то поэты
Все говорят про то, а не **про это.**

Октябрь России — месяц увяданья.
Не много дней веселых в октябре.
Октябрь есть также месяц ожиданья,
Догадок о грядущих замерзаньях,
Гадания о жизни на земле
И русских споров о добре и зле...
Ведь русская натура, как ни кинь,
Добру и злу всегда выходит клин.

Добро и зло за все у нас в ответе.
Жизнь включена в созвездие добра,
Но зло всегда скрывается в поэте,
Коварно капая с его пера.
Нет пользы в человеке-Магомете,
Когда есть неподвижная гора.
Горе же этой удовлетворенье
Считаться **диалектикой движенья.**

И диалектика окамененья
Представлена у нас такой горой
На боевых октябрьских представленьях.
Дух пропаганды, шумный и нагой,
С трибуны проливается дугой
К безмолвным историческим ступеням.
Такая диалектика сполна
Природой Октября утверждена.

Стоит Октябрь всегда в своем зените.
Он без конца шумит в стране моей
И стольких погубил уже людей.
На всех бросался и кусал сердито,
Историков, генетиков, врачей,
Чьи имена известны и сокрыты,
Умучивал... Но мецената вид
Он принимал... И тучею висит

Над русскою зарею и культурой.
«Мы новый мир творим!» О, стыд какой
Над бедным человеком балагурить.
Сперва взойдите солнцем над рекой,
А после начинайте процедуру
Творения земли своей рукой.
Все громкие о творчестве решенья
Бессильны пред одним стихотвореньем.

Не ждановским седым ученикам,
Экспертам по непрочным башмакам,
Постановленья делать о культуре,
Нотации читать литературе
И бить поэтов русских по рукам.
Но зыбь комчванства, этой тяжкой дури,
Российские качает корабли.
Простите нас, все месяцы земли!

Спит Октябрь под саваном холодным
На дороге северных ветров.
И стоит все тот же пес голодный,
Лает из семнадцатых годов.

Он стоит и лает на созвездья,
У трибун колышатся древки
И тромбон революцьонной меди
Бьет в свои пустые кулаки.

На трибуне будто видны люди,
Лица неизвестны никому.
Громкоговорители безлюдью
Возвещают шумной ночи тьму.

Из широкой, одинокой сини
Слезка льется звездочки одной;
И треща, катаясь по пустыне,
Фейерверк смеется над землей.

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Земных дорог нельзя нам избежать.
Мы все идем к земле своей смиренной,
Где человека пеленает мать
И отдает укачивать вселенной.
Так начал я в моей Москве дышать
И радовался миру несомненно,
Хотя еще не знал, куда ведет
Стремление всегда итти вперед.

Ребенку отдан мир на погляденье,
На крик и пенье. Время приведет
Его к внимательному рассмотренью
Всех возникающих пред ним ворот.
Он, как барашек, будет с удивленьем
Смотреть на них. И, может быть, найдет
Для них научный термин — «в о р о т и з м»...
Так в мир пожаловал социализм.

Не вижу я научных в нем изъянов,
Социализм спустился к нам давно
И не его вина, что много пьяных
По городам российским пьют вино.
И не вина его, что много планов
Спускается от Маркса самого.
Не будь таких историй, уверяю,
Мы были бы на полдороге к раю.

Любовь, вернейшей радости подъем,
Нам восполняет мир десятикратно.
Она была со мной в быту простом
Усадьбы тульской... Было мне приятно
Будить поля на беге скаковом.
И вспоминал я в жизни многократно,
Как с детских лет была дана мне милость —
Знать русской красоты неуловимость.

Всегда нам легок путь к вещам простым.
Я на ветру по гнущимся деревьям
Высоким лазил. А крестьянский дым
Считал своим. Я помню свадеб время,
На молодых просыпанное семя, —
Я «косу продавал» за пять алтын
В избе, где русской теплоты напор
Мог удержать на воздухе топор.

Лицей, который Пушкина взрастил,
Воспитывал поэтов неохотно.
Учил однако юношей добротно,
Министров, дипломатов мастерил.
И я учился там, не тратя сил.
Стихи писал, конечно, беззаботно...
Так, ради важности, мы возвестим,
Что Пушкин был товарищем моим.

А тайным другом был моим Толстой
(Поэта разумею, Алексея).
Его стихи, от радости бледнея,
Читал я в летней комнате пустой.
Мне нравился в них аромат густой
Природы русской, теплых трав настой,
Дух веры светлой... Юмором здоровым
Он радовал, Поповым и Прутковым.

В те времена моя страна большая
Своим кормила хлебом много стран.
Хлеба желтели, землю покрывая,
Не жгло их солнце, не съедал туман
И шел к народам русский караван
Из житниц Тулы, Дона и Алтая.
В России было много недостатков,
Но мир кормился от ее остатков.

И грянул вызов чистым небесам:
«Мы **сами** землю изменить сумеем...»
И — сразу потянуло суховеем,
А человек бахвалился: «Я **сам!**»
И до сих пор слова такие нам
Он говорит пред миром не краснея,
С полей и рек земли своей богатой
В мир вывозя октябрьские цитаты.

Бывают в революциях черты
Дыханья очистительного бури.
Но фурии — других гоняют фурий.
И, в эти годы столько странной дури
Вошло в подвал российской простоты.
О, если бы, Россия знала ты,
Что русский Кирибеевич удалый
Во все эпохи думал очень мало.

Я помню, как в семнадцатом году
Пришлось мне часто ездить мимо дома,
Где человек с бородкой, незнакомый,
Сулил довольство, обличал беду.
Истории я не расслышал грома, —
Пусть это будет к моему стыду.
С балкона Ленин говорил народу
И обещал всем счастье и свободу.

А я лишь мимо дома проезжал
И мимо революции. Плодилось,
Ораторов, не счесть. Всяк возвещал
О «новой эре», — так разголосилось
Людей порядком. Человек — Тантал,
Он любит, чтобы что-то подносилось
К его устам, он любит дух питья...
Весь мир тогда питьем был для меня.

На Каменноостровском, стороной
Историю я видел. И со мной
Случилось то, что с русскою душой —
Волчком она крутилась года три,
В историю, читатель, посмотри.
Хотя и «врут» ее календари
И не всегда мудры ее рассказы, —
В ней правду видишь из неправды разной.

Мы жили не заметив Октября.
Родителям крестьяне отплатили
За ласку их. Именье не громили.
Но помню я то утро, в нем заря
Еще не занималась. Окружили
Наш дом чужие; конные явились.
Был обыск, шум, плач женских голосов.
Мать повезли за тридцать верст в Венев.

Так революция до нас добралась.
Не сеять, а пахать ей назначалось.
Победы первые всегда легки,
Ладьею царской плыли старики,
В руках дряхлеющих была усталость.
Гребцов сменили... Берега реки
Красивостью кисельной всех манили.
Но люди так до них и не доплыли.

Два раза я беседовал в Москве
С Дзержинским хмурым *). В этот год
открыта
Была Чека, с Дзержинским во главе.
(Тогда еще он не был знаменитым.)
Отец скрывался. Мать была в Бутырках,
Пришлось моей работать голове.
А каковы мы были, скажем кратко:
Мне было ровно полтора десятка.

С тех пор прошло полвека *). Первый след
Скитальчества оставил я в России.
И Странником я обнял целый свет,
Все люди стали для меня родные.

---

*) Таким его я помню на Лубянке весной 1918. Эпитет верен физически, но недостаточен.

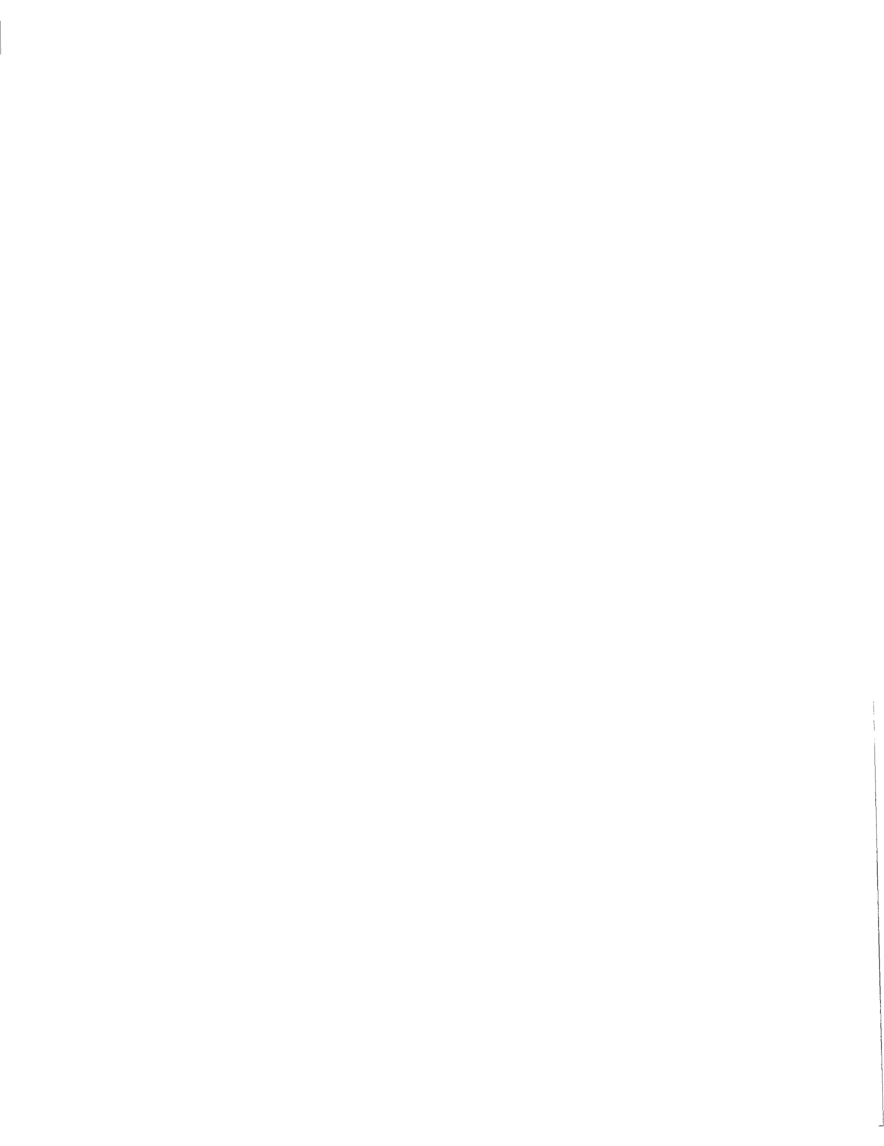
*) Строки написаны в 1967 г.

Не помнит молодость обид и бед,
И не оплакивал я «дни былые».
Учился я в Париже. И был вхож
В тот клуб, где председательствовал Фош.

. . . .

Теперь должно быть всем понятно —
Стихи не могут петь, как медь.
И не должны, как облак ватный,
Над безразличностью лететь.

Но надо, чтобы непрестанно
Соединять стихи могли
Тяжелозвездные туманы
С прозрачным воздухом земли.

О ЛЮБВИ

Пусть рифма на любовь не создана,
Ей может быть одна любовь ответом;
Поэзия, большой любви страна,
Которую не знают в мире этом.

Слова любви твоей всегда бедны,
Но, бедностью овеяны великой,
Они родят пророческие сны,
В своих невнятных шопотах и криках.

Любовь — цветок особенный. Не ждите
От этого цветка больших событий.
Он зреет на широких ступенях
Всей нашей жизни. Сердца легкий прах
Высоких чувств, стремлений и наитий
У нас не замирает на устах,
Он царствует над миром; это он —
Живая связь народов и времен.

Не сны — любовь «объемлет шар земной».
Она всегда все в новых выраженьях.
Поэзии она приносит пенье,
И в Церкви гимн великий и простой —
Ее сладчайшее осуществленье,
Когда наполнен он живой душой.
Любовь мы все несем в себе, как тему,
Таков большой роман моей поэмы.

Мы любим мать, жену, коня, да щей
Поесть мы любим, — вот она, какая
У нас любовь, бредет не разбирая
Людей, предметов... Только горячей
Все хочет стать она. А чьей? Ничьей!
Так часто здесь любовь не знает Рая.
Лишь там она неповторимо-лична,
Всегда единственна и единична.

И надо повторять нам вновь и вновь,
Что человек и есть сама любовь,
Как «образ и подобие»... Но кровь
«Любовью» самолюбье называет,
И ревность в ней безумно возникает,
И человек, своей любви не зная,
Обманутый на смерть самим собой,
Себя ввергает в темный призрак свой.

Любовь идет. И нет уже иной
Нам цели жизни в этом мире странном,
Как только жить любовию одной,
К ес незримым прикасаться ранам.

Любовь идет бессмертием в уста
И открывает все миры вселенной.
Ссйди ж в нее земная красота,
Последний этот луч на небе тленном.

ФИЛОСОФСКАЯ ГЛАВА

Я изучил уже твой кроткий нрав,
Российская смиренная октава.
Меня теперь ты не ревнуешь, право,
Когда, твое течение прервав,
Я нарушаю верности устав,
Иду налево и иду направо,
А после снова прихожу в твой плен,
Метрических чуждаясь перемен.

Ведь иногда, октава, я хочу
Размеров разных моему сказанью.
Многообразие не наказанье,
Поэзия везде несет свечу.
Но, побывав на городском свиданьи,
В твои сады, октава, я лечу.
Пусть песни изменяются по кругу.
Мы будем помогать теперь друг другу.

Мы социальных не найдем заслуг
В лиричных этих строчек трепетаньи,
Что мысль мою несут вперед — и вдруг
Уводят в дальнее воспоминанье.
Стихи — последнее земле посланье,
Пусть ими завершится жизни круг.
Поэма наша колосится хлебом,
Но надо ей еще немного неба.

Октав своих люблю я звук простой,
Но иногда порывистый и странный
Движенью чувств приносит он покой
Гармонии простой и первозданной.
Кто лирику всегда берет с собой,
Гармонию рождает непрестанно
И для него идей тяжелых прах
Бывает утомленьем на устах.

Единственною партией своей
Считаю я свои стихотворенья.
Прозрачных строф чуть слышное движенье,
Обилие небесных новостей,
Что так легко идут к руке моей.
Их обращать в молчание и пенье
Привычно мне. Но слышен в мире стук
И много партий шествуют вокруг.

Живет в нас вера от младых ногтей,
В себе самих мы силу веры носим.
Что было б без доверия детей?
Какая сладость в каждом их вопросе.
И наше множество земных путей
Одной лишь веры человека просит.
Есть веры разные, как тьма и свет,
Но совершенного безверья нет.

Змей убедил людей любви не верить,
А от неверья классы завелись.
Пред Каином тогда закрылась высь
И в гибель открываться стали двери.
Не понимая ужаса потери,
Мы над проклятым яблоком тряслись.
И, устремясь под яблочные ветви,
Расстреливали Авеля столетья.

От рая ад совсем невдалеке.
Поверь, земля, ты вся для них прозрачна.
Небесный свет стоит над ямой злачной
И в той же человеческой реке
Плывет и ангел к нам, и демон мрачный.
Все дело лишь в одной твоей руке —
Кого поманишь ты рукою, тот
Тебя обнимет и тебя возьмет.

Нам трудно до конца себя понять,
Так часто слепы мы на самом деле.
Но с этих пор, как обняла нас мать,
Мы чувствуем любовь в душе и теле
И кружимся на этой карусели
И хочется нам землю всю обнять.
Но в том, чтоб находить дыханье рая,
И кроется разгадка мировая.

Напрасно Маркс искал ее в беде
Рабочих рук и в злате богатеев.
Людей мы измерять рублем не смеем,
Хотя приятны нам рубли везде
И в коммунальнейшей оранжерее,
И на Wall street, где люди зря жиреют.
Но ни долларом нашим, ни рублем
Мы жизни человека не возьмем.

Земля идет чрез гул десятилетий,
Она всегда чего-то долго ждет
И граждане ее стоят, как дети,
В смиренной очереди у ворот.
Я здесь не целю в русский огород —
Читатель это может сам заметить.
Ведь с Октября прошло немало лет
И огородов русских просто нет.

Ценны нам огороды. Но душа
Необходима человеку тоже.
И в бедняке последнем, и в вельможе
Она живет, конечно, чуть дыша,
Ей неприятно быть у нас под кожей,
Когда мы ищем только барыша
И лишь того, что на барыш похоже,
А не Тебя, о милостивый Боже.

Подумаем о нашем эпилоге, —
Довольно «циммервальдов». Нам пора
Уже вскочить на собственные ноги.
Со своего мы съехали двора,
Мы ждали, будет светлая пора,
Но в темной очутились мы берлоге,
Куда медведь, Сибири старожил,
Нас в октябре так ловко положил.

Нельзя, как Маркс, измерить мир линейкой,
Забыв любовь. Получится просчет.
На лбах людских появится наклейка
И Волга вспять безумно потечет,
И клетки будет жаждать канарейка,
И соловей без клетки не споет...
Весь мир земной посажен будет в клетку,
Потомкам дальним строить пятилетку.

Любви мы ищем, но боимся все ж
Ее последствий, не всегда нам ясных.
Любовь похожа часто на грабеж,
Обезоруживанье всех несчастных.
Не различая истину и ложь,
Мы все в любовь впадаем ежечасно,
Но петь о ней все тот же триолет
Способен лишь доверчивый поэт.

Я у поэтов будущих и бывших
Прошу прощенья за свою вину.
Хотя я сам не прилежу вину,
Но осуждал поэтов много пивших
И оттого так много говоривших,
Служивших не бессоннице, а сну.
Пусть покаяние, как вдохновенье,
Несет меня над тишиной и пеньем.

Да царствуют поэты! Но беда,
Что в мир поэт приходит не всегда
И часто он из мира исчезает,
Становится ль он облаком, не знаю,
Надеюсь, что не льется, как вода.
Поэта мы всегда переживаем.
И часто он как перст стоит один
В прохладе прозаических долин.

Поверим только сердцу, что оно
Заведует последним в мире счастьем.
Лошадке этой в зимнее ненастье
Найти наш дом поручено давно.
Наш ум — вода, но сердце есть вино,
Которое становится причастьем,
Началом Рая... Хочешь или нет,
Но только тут бессмертия секрет.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Я не пристрастен. Мне Октябрь помог,
Не стал министром я, ни дипломатом,
Не разукрасил тленный свой чертог,
За прах земли я не судился с братом.
Увидя Свет среди моих дорог,
Я в каждом человеке вижу брата.
И в этом, искренно вам говорю,
Отчасти я обязан Октябрю.

Мы все грешили в старые года
Сословною корыстью, равнодушьем
К простым, живущим в этом мире душам.
Мы помогали братьям не всегда!
И вот стекла дворянская вода,
Изъездив облака, моря и сушу,
Я понимаю, что случилось тут, —
Благословен великий Божий Суд.

Наш вековечный русский идеал
Показывает разные картины.
Я их в поэму бережно собрал,
Рассеял их в поэме паутинно,
Лишь еле-еле заполняя зал
Сухим благоуханием доктрины.
Столетий я раскручиваю нить,
С историей стараясь не шутить.

Веками бунтовала наша Волга,
Лихих людей готовил Брянский лес.
Освобождали мы крестьян так долго
И только словом, что Христос воскрес.
А тощая народная кошелка
Ждала любви, а не одних чудес.
Мы к вере нашей становились глуше,
И на борзых обменивали души.

Но сердце сердцу отдавало честь
И в это русское тысячелетье,
И оттого бессмысленную лесть
Я не везу земле в своей карете.
Стих русский не рожден для шуток этих,
Он честно все везет, что в жизни есть.
Пристрастия мы миновали яму,
Спасибо всем стихам, но больше — ямбу.

В истории мы народили слов,
Глашателей искусственного блага.
Покрыла все казенная бумага.
Средь своры наших густопсовых псов
Мы забывали человека нага...
Так и явился ряд больших узлов,
Что Солженицын пожелал расчислить,
На пользу нам и нашей русской мысли.

За горло взявши в рай тащить нельзя.
Уж это пробовали многократно.
В концлагерь только так ведет стезя,
Не возвращающая нас обратно.
А жизнь все учит, быстро унося
Мандаты наши, латы и палаты.
Вот верное об аде представленье:
Полнейший коммунизм без единенья.

Стихи:
« Und willst du nicht mein Bruder sein,
Гласят:
« So schlag ich dir dein Schädel ein ! » *)

---

*) «Если не хочешь быть моим братом, я проломлю тебе череп».

Таков был клич у ватиканских принцев,
Но, перейдя на Сену и на Рейн,
Он стал известным криком якобинцев.
Так всем кричал под Меккой Шейх Гуссейн
И мудрость эта быстро добежала
До третьего интернационала.

О КРАСНОМ ПЕТУХЕ

«...и жег людей сильный зной»

Откр. XVI

Загулял петух по кругу,
Заходил к врагу и другу,
Не в аду, не в небеси,
А на всей земной Руси.

Открывал петух все двери,
Разносил пожары в перьях.
Красноперостью богат,
Много сжег петух палат.

Перья красные дымились,
Стены русские валились.
Жег петух дела людей
Красноперостью своей.

Страшна не жизнь в узилище земном,
Не беды нищеты и эмигрантства,
А страшно принудительное братство,
Что схватывает ледяным огнем
И пустотой безличного пространства,
Где ненависть готовит людям дом.
А бедная душа одним богата —
Любовью к Богу и любовью к брату.

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

Стихи писать **о всем** и ни о чем
Нас Пушкин выучил. Он был богатым.
Поэм и эпиграмм владел мечем,
Не трясся над своим легчайшим златом.
Но так же мы у Пушкина прочтем:
«Поэзия должна быть глуповатой».
О, гений русский, ты ведь как-никак
Всегда и чудотворец, и чудак.

Лишь гений право получил, всегда
Быть глупым, и в лесу, и в шуме бальном,
Но гений всюду будет гениальным
И, коль стрясется глупости беда,
Он никогда не скажет тривиально,
Он никогда не скажет без стыда —
За всех людей и за свою банальность.
И будет в том стыде вся гениальность.

Шум праздной прозы в мире не исчез,
Но рифма наша — верности основа.
Он все стоит, чудесный русский лес,
Его листва зазеленела снова.
Словам простым, как и всему простому,
Теперь мы придаем все больший вес.
И хорошо, что новым стало снова
Простое человеческое слово.

Есть бестолковость в снах. Движенье их
Наполненное часто странной драмой,
Не уяснимо силой слов простых,
Ни логикой мещанственно-упрямой.
Как будто наши сны всегда пусты,
Но все же есть и в них своя программа.
Откуда эти сны земные взялись,
Так и не мог открыть психоанализ.

На странный сон похож любой парад.
Как будто все идут, однако ж — спят.
Все шествуют в своем оцепененьи.
В парадах нет людей, одно движенье,
Сомнамбулами все идут подряд
И между ними стекла средостенья.
Искорененье личного блаженства
Октябрь довел уже до совершенства.

В нем цели подчинилось все одной —
Устроить мир пониже головой.
Пред этой целью надо всем сгибаться,
Для этой цели надо всем сбираться,
Материей казаться мировой.
И этой странной цели домогаться
Обязаны писатели... И прах
О том уже кричит на площадях.

И Маяковский крикнул: «Хорошо!»
Но — мрак вокруг себя потом увидел.
И в этот мрак холодный он ушел,
Себя своею пулею обидя.
Но крик его остался над землей
Несовершившимся его открытьем.
Совсем *не то* увиделось ему,
И *хорошо* — сказал он —
не тому.

БАЛЛАДА О НЕУМЕЛОМ СЕРДЦЕ

Как писать ее, не знаю,
Эту горькую балладу.
Ведь у белых яблонь Рая
Начиналась песня хлада.

Не о красном русском лете
Я свои слагаю строки.
А о смерти и поэте
Тут на свете одиноком.

Гулко шел он Гулливером
По стихам, снегам России
И холодным револьвером
Все грозил в гробы немые.

Строки капают, как слезы
На платок страницы белой.
Он поэт совсем не грозный,
Только — сердцем неумелый.

И любовь к нему прильнула
Лишь одним комочком серым,
Словно шла она из дула
Ледяного револьвера.

Я не поклонник вечно новых мод,
Неудержимого коловращенья
Идей... Но моды есть «наоборот» —
Идей давно изжитых утвержденье.
Теорий многих миновалось мненье,
А все они маячат у ворот.
И, до сих пор, иные с Молешотом,
В себе все видят обезьянье что-то.

Нам Бор и Планк, и Гейзенберг урок
Блистательный дают своею школой,
Но не идет материалистам впрок
Передовой науки шум веселый.
Для них все те же Фейербах и Фохт
С Коперником гуляют в новоселах.
И Энгельс им все время открывает
Все то, чего они еще не знают.

Так быстро наше время на земле,
К чему нам думать о вещах вторичных.
Мы все проходим цепью историчной,
Но есть еще вопрос о нашем зле
И подойдем к нему реалистичней.
Лежит у нас покойник на столе,
Поговорим же тут без уклонений
О страшном человека разложеньи.

«Материя», «случайность» — не ответ!
Случайности случайной в мире нет,
Случайности от века не случайны, —
Расчислены движения планет,
Зажжен квазаров пламень чрезвычайный.
В необозримых звездных океанах
Пылинка движется, земля. На ней
Я говорю торжественно о ней.

Мир умирает в смутных наслажденьях,
А жизнь идет над чистой глубиной,
И нет на свете радости иной,
Как радость вдохновения и пенья.

Потоки мутные несут свой ил,
Но звезды зажигаются над ними.
Земля, пристанище пустых могил,
Мерцает небу песнями своими.

РОССИЯ

Я шел к молчащим русским городам
И проходил селения простые.
Мне открывалась тихая Россия
И я внимал ее святым устам.
Без третьих лиц, я души слушал там,
Прямые чувства и слова прямые,
И радовался русскому уму
И плакал, сам не зная почему.

Прошла война, в ней было столько муки,
С надеждою великой кровь слилась.
Святые вновь нас взяли на поруки
И Александр, великий Невский князь
Домой вернулся после всей разлуки,
И Русь на зов его отозвалась.
«Теперь свободу стройте», нам сказала
Война у Фридрихштрасского вокзала.

Но только стихли над землей «катюши»
И был неугомонный взят Берлин,
Завет святых российских был нарушен
И править стал все тот же властелин,
И царствовал над Русью он один,
Страдали снова и тела, и души.
Нашел весь мир себе освобожденье,
А Русь еще несла свое мученье.

РАЗГОВОР С КОСМОНАВТОМ *)

Мы совершить большой полет смогли
С одним известным русским космонавтом.
И я спросил, кто Автор всей земли?
Кто неба удивительного Автор?
Ответил мне космический герой,
Слегка прикрыв свой микрофон рукой:
Учились, молодые мы, с азартом, —
Хотели небу дать колхозный строй;
Но не была достойною игрой,
Игра в атеистические карты —
Пред звездами, пред солнцем, пред луной.

---

*) Это лирическая транспонация диалога нашего с космонавтом доктором Борисом Егоровым (см. А.И.С.Ф., «Московский Разговор о бессмертии», Нью-Йорк 1972, стр. 102-107).

Нам путь остался только в пропасть Сартра
Иль к Истине Божественной одной.
Теперь мы сходим все с партийной парты,
Мы истины хотим. Вот молодой,
Смотрите, месяц... Мир большой рекой
Над ним сияет... Входит наше знанье
В благоговение и созерцанье.

Октябрьский постоянный юбилей
Есть торжество абстрактного искусства.
Лишь этим удивляет он людей,
Доступных непосредственному чувству.
Средь звезд его гуляет Водолей,
Герой дозволенного свыше буйства.
Но, впрочем, водолейный бунт недолог,
Там могут лишь кричать, что нет иголок.

Октябрь — не календарный только звук.
Он — вековых греховностей сплетенье,
Он — духов изгоняемых боренье,
Он — темный перед вечностью испуг
И времени глухой, порочный круг,
И слов невероятных наводненье...
Но, в громкой пустоте его хлопушек,
Расслышать можно рев голодных пушек.

Матерьялизм холодный и упорный —
Вот Октября яснейшая печать!
Он землю нашу хочет спеленать
Теорией своею старомодной.
«Материя — родная людям мать!»
Он говорит напористо и вздорно.
«Материю», цека своих пустот —
Октябрь за сущность жизни выдает.

Таков Октябрь тщеславный и пустой
С нацеленною властью над душой.
И собственность отверг он для того,
Чтоб собственностью стали все его...
Не обессудь меня, народ родной,
За простоту сужденья моего.
Я не холодный европейский скептик
Пред маревом казенных диалектик.

«Лови воров», кричат по перекресткам.
А люди на углах своих стоят,
Беззвездной тьмой закрытые до пят,
И дождь по ним сечет холодный, хлесткий.
И никому нельзя пойти назад.
А впереди гроза и гулкий град,
И нет домов — сколоченные доски
Вокруг людей, как тысячи преград...
А сотворен был мир, как Божий Сад.

. . . .

Я был на Патриарших тех прудах,
Когда герои одного романа
Молниеносно обратились в прах.
Им истина открылась первозданно,
Но ум их диалектикой пропах
И повели они себя так странно.
Герой отверг светильник жизни свой
И тотчас поплатился головой.

Средь общества московского, рассказ
Булгакова был принят с пониманьем.
Все поняли, Октябрь уже угас
И даже не оставил завещанья.
Мы без труда, по выраженью глаз,
Увидели умов голосованье.
Ревизия свершилась Октября, —
Он «жить велел», точнее говоря.

Октябрь народом русским упразднен
В России он сейчас сухая ветка.
Он на стволе совсем других имен
И чаяний большого человека.
Смеются русские над ним так метко,
Так здраво и легко со всех сторон,
Что понял я, с лирической отрадой,
День подошел — писать поэму надо.

И начал я слагать свои стихи
О правде, о любви и о свободе.
Увидела душа свои грехи
За эти баснословнейшие годы...
Скрываются страданья от народа,
Есть мера у страданья... Петухи,
В себя приняв разбитых звонниц медь,
Уже над Русью начинают петь.

«...и тотчас запел петух»
Ин. XVIII

Петухам заря велела петь
О познаньи светлого сознанья.
Влита в петушиный голос медь
Одиночества и покаянья.

Много есть пристанищ у Отца,
Гаваней без бури и без боли.
Петухи в людских поют сердцах,
Петухи поют о Божьей воле.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПЫЛИ

Я поднимаю пыль. И, с каждым шагом,
Я поднимаюсь над землей, как пыль.
Пылятся незабудки по оврагам,
Пылится память, как сухой ковыль.

В глубинах пыли тлеют мира сваи.
Я пылью покрываюсь и грешу.
Пылится все во мне. Я пыль смываю
И снова поднимаю, и ношу.
Но эта пыль уйдет в одно мгновенье,
Настанет чистоты великий час,
И воссияет новое творенье,
И воскресит Господь из пыли нас.

Чудесное от вечности восстанет
И будет вечно близким и живым.
И пыль чудесна — ведь ее не станет,
Она преобразится в звездный дым.

Сдружился я со всей своей землей, —
Прекрасная, отважная планета.
Но многие ли замечают этот
Ее полет над бездной мировой.
Все по своим расселись кабинетам
И каждый превозносит угол свой,
Не понимая связи расстояний
В гармонии и славе мирозданья.

Мы все бредем в пыли своих вещей.
Как мухи, малости нас облепили,
Ничтожности вещей нас обступили.
Душа моя, ну, выходи скорей!
Познай себя и проходи над пылью,
Дыши простором чистым на горе, —
Откроется весь мир перед тобой
И сделаешься ты сама собой.

О днях земных нам сказано от века:
«Не мир на землю Я принес, а меч».
Открыло небо тайну человека
И хочет нас к борьбе своей привлечь.
Писанье иудеев, слово грека
И русских незатейливая речь
Должны служить любви непобедимой.
А наши все победы льются мимо.

Земля российская, в простых словах
Тебе сказать о тайнах невозможно.
Всю изреченность ты считаешь ложной
И, с Тютчевым, хранишь свои уста.
Со мной же ты не очень осторожна,
А без юродства наша жизнь пуста.
Нам «острый галльский смысл» не
руководство,
Мы мудрость носим в скорлупе юродства.

Лиризма тайна — жизни нашей соль
И с нею сердце дружит постоянно.
А русский человек ведь самый странный,
Несет в себе он песню, жалость, боль.
Ты хочешь этой боли, вот, изволь,
На производство боли нету плана.
И жалость нам несет сама земля,
Ее нам не спускают из Кремля.

Россия, без юродства твоего,
Как Маркс пришел бы с пролетариатом?
Как ты была бы Энгельсом объятой?
И стал тебе не Свет милей всего,
А лондонских рабочих двор попятный?
Некстати ты утешила врагов.
И ясно ныне нам, что англо-сакс
Был более умен, чем мы и Маркс.

Никто не мог бы странно так счудесить,
И накалить народы докрасна,
Как ты, моя чудесная страна,
Закрывшая от мира поднебесье.
Ты встала над землею, как Стена,
Идущая чрез города и веси.
И люди ждут, волнением томимы,
Что вступятся за землю серафимы.

Предел юродства — всей большой стране
От человечества куда-то скрыться!
Стены Китайской просто жалко мне,
Так ей пришлось жестоко потесниться.
Ей даже не мерещилось во сне,
Что стены мира могут разделиться
И надо ей почтительно теперь
Влезать в Москву чрез маленькую дверь.

И Черчилль хорошо сказал о нас:
«Секрет загадки погруженный в тайну!»
Старик был остроумен чрезвычайно,
Всегда толков бывал его рассказ.
Он острый свой, на наш Забор Бескрайный,
На Занавес Железный, бросил глаз...
Хотя я не держусь музейных правил,
Но Черчиллю б в Москве я бюст поставил.

Живя в Веневе тульском, иль Крыму,
Иль странствуя в Российском Зарубежьи,
Не надо нам томиться в безнадежьи,
Суму воображая, иль тюрьму.
Надежды свет не подлежит уму,
И трудности у нас повсюду те же.
Не будем только спать, а то потом
Уснем навеки в веке золотом.

Слова на клетке львиной «русский волк»
Не переменят львиную природу.
Пускай летит на клетку целый полк
И всех собак сзывают все народы.
Ведь ясно, хочет лев себе свободы,
Хотя рычать ему и невдомек.
Важны ему сейчас не пятилетки,
А надо только выскочить из клетки.

Я символы люблю. В них есть простор,
Они представить истину умеют.
В них мудрость человеческая зреет.
Чрез символы и небо шлет укор,
Иль одобренье людям. До сих пор
Из символа рождаются идеи.
Кто символ расшифровывать привык,
Тот понимает вечности язык.

Лирической бездомностью жива,
Ты все слышнее, Русь, и дерзновенней.
Но подо льдом идут твои слова
В своем течении благословенном.
Склоняется пред прошлым голова,
Встает земля, в преданиях священных,
И все слышней несут России зов
Владимир, Суздаль, Сергий и Рублев.

МОЛИТВА О МОЛИТВЕ

Молитву, Боже, подай всем людям.
Мы так немудры, а — всех мы судим.
В нас нет молитвы и нет виденья,
Нет удивленья и нет прощенья.
Нас неба мудрость найти не может
И наша скудость нас мучит, Боже.
Дай из пустыни нам выйти ныне,
Мы алчем, жаждем в своей пустыне.
Мы дышим кровью и рабским потом,
А смерть за каждым, за поворотом.
Любовь и веру подай всем людям,
В нас нету меры, но мы не будем
Ни жизни сором, ни злом столетий —
Прости нас, Боже, Твои мы дети!

СВЕТ

Уехал я из Крыма без трагедий.
Был теплый день. Глицинии в цвету.
Я не оставил древнего наследья
В легчайшем севастопольском порту.
Еще я расскажу в своей беседе,
Все, что достойным повести сочту.
Я Странником ушел в моря иные,
Посланником свободы и России.

Нет, я не знал Ахматовой томлений, —
Все как-то проще вышло у меня.
И Севастополь, в радостном цветеньи,
И белой Графской пристани ступени
Сияли светом солнца на меня.
Семнадцать лет мне было... Свет храня
Я вышел в мир, к морям и дням сокрытым,
На корабле России и РОПИТ'а.

В те дни, как раз, Ахматова смутилась
От голоса утешного. Он звал
В иные страны... Голос тот не знал —
Ахматова страданью обручилась,
В ней Реквием ее уже звучал
И нес ее торжественною силой.
Был Реквием в крови ее лица,
Он вел ее к народам и сердцам.

Историк, запиши себе не малость —
Рождалась наша жизнь в больших кровях.
И мудрость наша верою ковалась,
Переходила в героизм усталость
И озарялся мира тяжкий прах
Одной улыбкой русской на устах.
Любви своей страна ждала и каждый
Страдал и умирал от этой жажды.

Над хлебной коркой и под коркой льда
Поэты и ученые творили,
А их несли в безлюдье поезда,
Глаза им ели тучи красной пыли.
Багровая, безглазая звезда
Несла народам страх, душе бессилье.
Спасалась Русь, как прежде, не парчей,
А восковою тоненькой свечей.

Она спасалась не своим величьем,
А покаянною своей слезой
И синею звездой, и гамом птичьим,
И раннею весеннею грозой.
А мир в своем скрывался безразличьи,
Не видел он России пред собой.
Несла Россия древнее призванье,
Печать страданья и печать молчанья.

Ей Достоевский верно предсказал,
Из недр ее появятся трихины.
Не будем говорить об этом длинно,
От шалостей трихинных мир устал.
Соединим свой русский идеал
С главой своей немудрой и повинной.
За эту нашу голову Христос
Безвинную главу Свою принес.

Отцовство есть не только путь земной
И продолженье в мире крови алой.
Отцовство, есть и новое начало,
Неиссякаемый любви покой...
И надо, чтоб душа твоя искала
Над близостью земною Свет иной.
Тогда поймешь, — пустое это дело
Класть в мавзолей иль в пирамиду тело.

Был знак земле. Единственная дочь
Начальника всемирного безбожья,
Скитаясь на ветру средь бездорожья,
Сквозь непрогляднейшую эту ночь,
Увидела, что и она — дочь Божья.
Все так идет, как надо нам, точь в точь.
Таинственно в Москве и многогранно
В октябрьской тьме крещается Светлана.

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТЕ

Требуются слепые,
Стучавшиеся у всех дверей,
Потерявшие Россию.
Просят придти скорей.
Оканчивается список,
На котором сполна
Всех грешных и павших низко
Написаны имена.
Будет на душах поставлена
Огненная печать.
Всех, кто прожил бесславно,
Просят не опоздать.

СВОБОДА

Длиннот классических я не люблю.
Но есть еще домашние длинноты.
Им хорошо стоять в таком строю
Тяжелых строф, несущих жизнь мою
По мировым пустотам и широтам.
В них жизнь стоит, как мед в хороших сотах.
И все мы ждем, привычкою старинной,
Что наша жизнь должна быть очень длинной

Нам так легко слона из мухи сделать,
Кота пустейшего купить в мешке,
Что наша мысль к познанью охладела,
Мы все умом копаемся в песке,
О всем мы судим, как-то, налегке,
И будто никакого нет нам дела,
Что Ревизор нас всех разоблачит.
И наша совесть, как в гробу, молчит.

Мне кажется суждением этичным
Считать **своим** лишь то, что ты **отдал.**
Тут подлинный простор коммунистичный,
Апостольский безмерный идеал
Любви евангельской... Но смертный пал
В свою эгоистичную безличность.
И вот устроил гоголевский Нос,
Из этой всей безличности колхоз.

«Вы призваны к свободе», говорил
Апостол, утешение народов.
Его слова, как зерна, дали всходы,
Они теперь мерило всех мерил:
Но, кто из нас свободу ощутил,
Как от безверья и от зла свободу?
Мы все браним страстей ничтожный прах
И мчимся по нему на рысаках.

Качается и плачет человек
Меж темным своевольем и свободой.
Свободу прославлял афинский грек,
Свобода сделалась французской модой.
Ни в чем не изменился этот век,
И человек все тот же в наши годы.
Свобода расцветает на устах,
Но все за ней стоят еще в хвостах.

Мы о свободе речь давно ведем.
Радищев, Пушкин нам ее воспели.
Свободу люди полюбить успели,
Но не успели с ней побыть вдвоем.
Велик свободы нашей водоем,
И человек глубок, на самом деле.
Свобода хочет от своих детей
Свободы от незнанья и страстей.

Мы месяца себе по мерке ищем,
Свободе и поэзии подстать.
Хороший месяц предложил Поприщин,
«Мартобрь»... Быть может нам его избрать?
Конечно, критики получат пищу
И не легко нам будет убежать
От возмущенья критиков лихих,
В весенней и осенней форме их.

К каким филологам нам обратиться,
Иль химикам, чтоб формулу нашли
Для месяца свободы?... Время длится
И годы все летят — слепые птицы
По древнему лицу моей земли.
Свободе в мире негде приземлиться,
Она должна, как космонавт слепой,
Кружиться и кружиться над землей.

Над русским словом все идет гроза,
Она идет еще и над Россией.
Мне трудно ямбу посмотреть в глаза
Страдальческие, русские такие.
Без слов дрожит любви моей слеза.
Поля и города лежат немые.
Приди, о ямб, свободный наш старик,
Хочу услышать я твой вольный крик.

КЛИНИКА СЕРБСКОГО

Я поднимаю палец свой большой:
Остановись, летящая машина!
Устал я только телом, не душой,
В свой бег опять прими меня, как сына.
По миру странствовал я хорошо,
Шагал легко, доверчиво и длинно.
Задумал снова посетить я Русь,
Дай, хоть на скучной тройке прокачусь!

На родине я снова. Вид иной.
Одеты люди лучше, веселее.
Очередей, конечно, галлерея,
Но пахнет обывательской весной
И даже есть для граждан лотерея,
Путевку можно выиграть. Показной
Купил себе билет я лотерейный
И — выиграл путевку в путь идейный.

Меня путевка быстро привела
В больницу Сербского. Как из стекла,
Стоит в Москве известная больница
И на нее не мог я надивиться,
И там освободился я от зла, —
В чужом глазу грешно я видел спицу,
Когда в моих глазах лежит давно
Увесистое русское бревно.

Богат путевкой был не я один.
Я, к своему большому утешенью,
Увидел в доме множество мужчин,
И лириков, и физиков скопленье.
Один ученый (мог бы быть мне сын)
Привел меня почти в недоуменье,
Сказав, что всякий физик и поэт
Здесь лечит сердце — нужно или нет.

Открылась мне московская элита,
Культуры русской верный идеал.
Там физик, академик знаменитый
О «Рае» Данта лекцию читал.
Он слушателей смело отсылал
К невозвращенству этого пиита,
Который был в изгнаньи много лет
И стал великий, мировой поэт.

Слова такие, каюсь, мне польстили,
Но я не смел об этом всем сказать.
Меня б могли неправильно понять
И предали бы русской грубой силе,
И санитары дюжие в кровать
Меня бы связанного положили.
Я все молчал и только слушал Русь —
О н а ж и в а, сказать я не боюсь.

Запомнился еще мне молодой
Известный кибернетик. Из машины
Извлек он достоверные причины
Тому, что кончилось у нас бедой.
Психопатолог был еще седой,
Измученный, но благостный мужчина.
Он испытал суровую судимость
За то, что видел в мире **одержимость.**

Он прямо мне сказал, что нет причин
Считать **прогресс партийности** здоровым.
«Прогресс» всегда себя считает новым,
Не нов однако шумный хунвейбин,
Все это очень старая основа
Психопатологических глубин,
Где возникают человекобоги
И запрещают говорить о Боге.

Я повинился в том, что все хочу
Сказать, что думаю. К чему бравада?
Нам следует всегда сказать, что надо,
Нам говорить о всем не по плечу.
И как себе могу я ждать награды,
Когда так часто я в стихах ворчу.
По докторов и нянюшек советам,
Я стал здоров, но каюсь даже в этом.

Услышал я, как унижали мать...
Что может быть хулы такой отвратней?
И зря мне говорят, что автоматно
Из рта способна нечисть вылетать.
Мне говорить об этом неприятно,
Но как о мерзких бесах не сказать.
Читатель! поднимись на подвиг ратный
И загони всю нечисть в ад обратно!

Не уверяйте душу, доктора,
Что мысль моя чрез меру сенситивна,
Что мне опять в дом Сербского пора,
Что все мое сужденье негативно,
Что «вялый шизофреник» я... Противно
Мне это слушать. Ваша песнь стара.
Бесспорно, первый демон подсознанья —
Святого материнства оплеванье.

Второй же русский демон — зелено
Ромейское и фряжское вино.
Оно имеет множество названий,
Не разбирает ни чинов, ни званий,
И говорит так ясно и умно,
Что бытие само идет к сознанью
И (явно Энгельсу наперекор)
Оно ведет все классы на позор.

Есть в нас однако добрая черта
Сознанием определять все вещи,
В одном из нас сияет светоч вещий,
В другом видна большая суета.
А человеку целый мир завещан,
И мудрость вложена в его уста.
Но выпив, видит он, сквозь эту призму,
Что коммунизм ведет к капитализму.

Считают люди — мир с вином вольготней.
Стесняется сказать о том мой стих,
Но прогрессивных зданий подворотни
Соображают водку на троих.
Я о другом бы рассказал охотней,
Но, на страницах медленных моих,
Хочу я лишь сказать, что в каждом веке
Не столь в доктринах суть, как в человеке.

Хотя доктрины тоже нам нужны,
Но заменить им трудно человека,
Они ведь человеком рождены,
А человек живет всего полвека,
Пусть будет даже он совсем калека,
Поставлен к стенке, или у стены,
Но без него, при самом лучшем строе,
Мы даже коммунизма не построим.

Вот отчего мне радостна душа
И так противны всякие доктрины.
Составить можно список очень длинный
Доктрин известных... Вот Кемаль-Паша
Снял феску с человека... Антраша
Совсем другое совершил картинно
Октябрь с Россией на брегах Невы
И у священных алтарей Москвы.

Пытался снять Октябрь печать крещенья
С души живой и веру в Воскресенье.
Разброд пошел и голод по стране,
И псевдо-звезды в ложной вышине
Старались дать безбожью объясненье.
Но стало ясно многим, как и мне,
Что в эти дни святой христианин
Воскрес на дальнем кладбище доктрин.

Ему легко воскреснуть было можно,
Он безграничной правды не забыл.
Разбойным мог он быть, но не безбожным,
Он верил содроганью горних сил
И малой свечечкой своей дорожной
Ненужную звезду он погасил.
Он внял над Русью **неба содроганью**
И дальней русской лозы прозябанью.

КРАТКОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЖЕНЩИНЕ

Не знаю, сколько в общем, лет иль дней
У Сербского я пробыл. Время — слабо,
В нем есть черты неясного масштаба,
Идет оно то тише, то быстрей.
В него моторных можно впречь коней,
Его в России часто тащит баба.
Моторы времени нужны, но все ж
И бабий, старый ритм земли хорош.

Я не сторонник пастырских одежд
Для женщины. Учить мужчин-невежд
Не надо ей с высокого амвона.
Нас учит матери святое лоно,
Начало человеческих надежд,
Где **клеточка** становится **персоной.**
Так в мир приходят физик и поэт,
И мать — наш первый университет.

Консерватизм — хорошее грузило.
Мужской всегда неясен поплавок,
То прыгает вперед, то скачет вбок.
Неясны прогрессивные нам силы,
Мужской прогресс столь многих свел
в могилу.
(Мужчина — непоседа и игрок!).
Я силу жизни вижу в реализме,
Который в женском есть консерватизме.

Всегда богата женская палитра,
Не облачайте женщину в фелонь,
Ей митру не давайте для молитвы,
Она слышнее чем мужчина в митре,
Над ней звонарь церковный не трезвонь,
Она в молитве — лань, а ты лишь конь.
(К тому ж еще, что всем давно известно,
Ты конь ленивый и тяжеловесный).

Так много могут женщины простые
Помочь земным сердцам отвергнуть ложь.
Ты ничего в России не поймешь,
Не посмотрев на женщину России.
Она стоит, как над землею рожь,
Налитая колосьями живыми.
И серп готов, и близок урожай,
Но молотом земле не угрожай.

Пред русской женщиною шапку сняв,
Стою я в созерцании России.
Я верю, что мое виденье — явь,
И эти волосы ее седые,
С младою красотой ее связав,
Бросают вызов евиному Змию.
Я говорю вам правду, я не лгу —
У русской женщины мы все в долгу.

ШВЕЙЦАРСКОЕ ВИДЕНИЕ

С младенчества Россию я люблю.
С Америкой сдружил я жизнь мою.
Две странности в себе соединяя,
И странно их собою дополняя,
Я Странником себя лишь называю,
И потому не говорю, — пою.
Мне вместо мысли песнь моя дается
У чистых вод российского колодца.

Как Русь, Америка была больна
Войной гражданской. Времена Линкольна
Прошлись тогда по ней довольно больно.
Жестокою была ее война
И братьев братья били произвольно.
Боролись руки, мысли, письмена.
Но все окончилось, пройдя по кругу, —
Честь воздана и Северу и Югу.

Юг проиграл, но он не лыком шит,
Он со своей страною кровью слит.
И Север вспыхнул сердцем благородным,
И — стало прошлое общенародным.
Я верю, что Россия утвердит
Такой порядок выбором свободным.
Без мстительности и без хвастовства
В сады приходит новая листва.

Октябрь прошел. Листва уже другая.
А мы зады все время повторяем:
«Мы — красные», «мы белые»... Цветной,
Мой старый век, что делать мне с тобой!
Никто из нас не дал России рая,
Никто не выйграл с ней последний бой.
О русский, в старых песнях поседелый,
Скажи, в чем красный ты? А ты —
в чем белый?

Пишу я эти строки в сентябре
На берегу смиренного Лемана.
Садится солнце за горою рано
И что-то говорит своей горе,
Давая электрической заре
К деревьям плыть из легкого тумана.
И, озарен двоящейся зарей,
Ко мне подходит новых звуков строй.

Швейцария, земной свободы мать,
На красном поле белый крест вонзила.
И вот ее несет святая сила
И не дает ей в мире воевать.
Она все страны мира пригласила
Свободными и маленькими стать
Друг перед другом... Сила возвышенья
Над алой кровью — белый крест смиренья.

РОЖДЕНИЕ ПОЭЗИИ

Поучимся у классиков поэтов
Вести рукой небрежной рифмы нить,
Но стройность повести своей хранить,
Читателя не унижать секретом
И благородно недругов любить.
Так часто спотыкаемся мы в этом.
Чтоб жить легко, всех недругов любя,
Нам надо не любить самих себя.

Рецепт я дам для этого простой:
Смотри в себя всегда многообразно,
Но не любуйся бедною душой,
А наблюдай пути ее соблазна, —
Она тебя обманывает разно,
А ты ее поклонник ведь большой,
Все норовишь душе вручить награду,
Пред всеми даже, — надо, иль не надо.

И нам, конечно, тоже здесь к лицу
Себя прибрать, во всем смиренно каясь.
Поэма наша к своему концу
Уже идет, под старость спотыкаясь.
Поэма не такая уж большая,
Но очень странная по образцу.
Событиям неравного значенья
Она дает все то же облаченье.

Учился я и в старом городке
Провинции бельгийской. Налегке
Я вышел с факультетов старомодных.
И от истории я был в тоске,
От всех ее правителей негодных,
От всех ее незрелостей народных.
В игре страстей не виделось мне силы.
Поэзия чуть слышно подходила.

Я подружился с рифмою моей,
А рифма тишину мне отыскала,
И тишина мне сердце обновляла,
И сердце обновлялось все сильней.
И тишина моей молитвой стала,
И подружился я навеки с ней.
Так странно все случается на свете,
И дружественны странности нам эти.

Меня влекло тогда к литературе
Прямой и чистой. Ни один уклон
Я не считал оправданным в культуре
Словесности. И лодочник Харон,
Единственный без лени и без бури,
Соединитель мира двух сторон,
Тогда, как будто, выбился из сил —
«Тенденции» он от меня возил.

Мне всякие тенденции претили.
Я чистоту в поэзии искал.
Гражданственности честный идеал
Казался мне в стихах летаньем пыли.
Чудейственный я требовал кристалл
Свободы, обрученной высшей Силе,
Которую все больше жизнь моя
Считала вознесеньем бытия.

У Бунина в те дни я проживал
На юге, в том чуть хладном «Бельведере»,
Где «Митину любовь» он создавал.
Был в дымке Эстерельский перевал,
Дыханье грасских роз входило в двери,
И, с Николаевной, тишайшей Верой
Средь легких трепетаний белых крыл
Гуляли мы, когда поэт творил.

Земные дни всегда нежданно кратки.
Прошло еще совсем немного лет,
Средь юных дней моих простых и шатких
Мне новую земля нашла палатку,
Вступил я в новый университет,
Где изучается один предмет
И степень там одна для человека:
Великий Свет уже иного века.

Невидимость реальности духовной
Чудеснее видений наших глаз.
Я верю, даже знаю безусловно,
«Нейтральности» не существует в нас,
Мы из себя износим яд греховный,
Иль мудрости божественной запас.
Блаженны жаждущие совершенства,
И в этой жажде есть уже блаженство.

О ГЕРОЯХ

Читатель добрый, кто у нас герой?
Бесклассовое общество построив,
Мы народили множество героев,
Но заперли их в комнате одной.
В мерзлотах вечных коммунизм устроя,
Они хотят и солнышка порой.
Законное героев пожеланье
Взять солнышко себе для подражанья.

Я кажется шучу неосторожно
Над героизмом наших дальних лет.
Но героизму русский дан поэт,
Не только для тоски своей острожной.
Я не герой (вот разве только ложный),
К тому же мне довольно много лет —
Гляжу на век и рад пройти бы мимо,
А не ворчать над ним неутомимо.

Какой-нибудь пиит односторонний
Улыбки может быть не оценит.
Но я люблю огонь своих ироний.
Ирония есть меч, она есть щит.
Она огонь, она всегда погоня.
Себя творя, она себя таит.
Она давно в моих стихах все крепла
Веселой молнией под грудой пепла.

Героя своего мы не поймем,
Пока не погуляем с ним вдвоем.
Для полного взаимопониманья
Нам надо сочинить и расстоянье,
И близость наша выявится в том,
Что песенное будет в ней слиянье.
Мы люди — странники по существу,
Все из Москвы стремимся, иль в Москву.

Героя несомненная черта,
Среди всего волненья мирового,
На плечи взять **хотя бы тень Креста,**
Под нею падать, подниматься снова
И вечно отдавать свои уста
Сиянию Божественного Слова.
О Божье Слово, Свет сошедший в тьму,
Спеши, спеши к народу Твоему!

Как хорошо смотреть легко на всех,
На правых, левых, благостных и строгих.
Нам всем даны и крылья и дороги,
И слезы нам даны, и чистый смех
Иронии как ветер быстроногой.
Мы — сами авторы своих помех.
И нам не надо уходить куда-то,
Чтоб видеть в каждом человеке брата.

Но главный мой герой — не человек.
Я человека чту, люблю, но, все же,
Так мало человек поправить может,
Хотя испортить может целый век.
Над человеком есть и небо тоже,
Над человеком есть и звездный бег.
И небо есть над звездами иное...
Считаю небо основным героем.

Он не обманет ложным словом нас,
Он озарит, согреет нас лучами,
Окружит нас тишайшими ночами,
Сомкнет ресницы утомленных глаз.
А это нужно нам теперь, как раз.
Заканчивается поэма нами,
Еще глава, и дружеской рукой
Читателя отпустим на покой.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Я, как свечу, поставил жизнь мою
Пред образом Преображенья Тела,
Чтоб не чадя свеча моя горела.
За тело мира я сейчас в бою
И тело мира я сейчас пою.
Вся жизнь есть выхожденье из пределов.
Мы начинаемся, как эмбрион,
А после отплываем на Афон.

Как эмбрион встает из электронов,
Встает из эмбриона человек,
Бездонность глаз прикрыв морщинкой век,
Своим умом небесный купол тронув.
Мы занимаемся уже в наш век
Духовным воспитаньем хлябей сонных.
Нас не смущает высота заданья,
Вся наша жизнь есть только воспитанье.

Поэзия познала смысл вещей.
Поэтов надо приглашать к решенью
Всех дел земли... Бессмертен не Кащей,
Бессмертно человека вдохновенье.
Поэтов и мыслителей виденье
В мир надо пригласить. Тогда ловчей
Народы мира смогут сговориться,
Их примирит поэзии Жар-Птица.

Она уже нас тайно собрала
И привела к себе на новоселье —
К Поэзии... И новое веселье
Я слышу в трепете ее крыла.
Так терпеливо свет она несла,
Пасхальный свет среди Страстной Недели.
И хорошо лететь здесь было нам
К России, к вдохновенью и слезам.

Мы летим, летим к стране чудесной,
Оставляя ночи долгих гроз.
Тонкий, робкий месяц неизвестный
Улыбается средь новых звезд.

Одобряет, видно, нас — летите!
Говорит он, наклоняясь к нам.
И уже стихает ветр событий,
Ветр земной, открытый всем ветрам.

Свет бессмертья нам летит навстречу
И утешить словно хочет нас.
Звезды нам свое сиянье мечут
Из раскрытых, удивленных глаз.

В небесах мы скоро где-то сядем
И земля засветится вдали,
И казаться будет райским садом
Этот диск светящейся земли.

И мы станем вглядываться зорко —
В то, что сделали мы на земле.
И душа тогда заплачет горько
О своем неверии и зле.

Есть надежда, впрочем не простая,
Но такая чистая собой,
Что в больших слезах тогда растает
Горечь несвершенности земной.

ACHEVE D'IMPRIMER SUR LES PRESSES DE LA SOCIETE D'IMPRIMERIE PERIODIQUES ET D'EDITION, 32, RUE DE MENILMONTANT, 75020 PARIS FRANCE, EN MAI 1977

Главный склад: Diocese of S.F., 2040 Anza St., San Francisco, California, 94118, U.S.A.

2 ам. долл. — 10 фр. фр. — 5 герм. м.